

Артемий Магун
(Санкт-Петербург, Россия)

Революция у Арендт и судьба революций в наше время

Рассматривается понятие революции, его история. Делается особый акцент на понимании феномена революции в книге Арендт «О революции». Помимо этого в работе значительное внимание уделяется характеристике и сравнительному анализу различных революций, начиная с Великой французской и Американской революции вплоть до последних революций в арабских странах и на Украине.

The article discusses the concept of revolution, its history. The author makes a particular emphasis on understanding the phenomenon of revolution in Arendt's book "On Revolution". Besides that considerable attention is paid to the characterization and comparative analysis of various revolutions, beginning from the the French and American Revolutions until the last revolutions in the Arab countries and Ukraine.

Ключевые слова: Ханна Арендт, революция, Великая французская революция, Американская революция, Арабская весна, тоталитаризм, публичное пространство, национальная идентичность революций.

Key words: Hannah Arendt, revolution, French revolution, American Revolution, Arab spring, totalitarianism, public space, national identity of revolutions.

В книге «О революции», написанной в разгар холодной войны, Арендт указывает, что дух революции, породивший современные либерально-демократические государства, рискует сегодня улетучиться из них. Поэтому она считает своей задачей напомнить о революционных событиях, лежащих в

истоках современности, как о наследии публичной свободы и коллективного действия. Событийность важна здесь, потому что она указывает на момент разрыва времени и начинания, инвенции нового. Но событие указывает еще на что-то: на силу истории, которая формирует государство, но перед этим рушит то, что было — создает пертурбацию, вводит в экстаз. Поэтому Арендт отсылает не только к политической свободе, но и к страстному движению, которое предшествует рациональному политическому субъекту. Но здесь есть некоторая двойственность. В начале книги «О революции» Арендт рассказывает о стихийных (*elemental*) аспектах понятия революции. Следуя средневековой фортуне, идея переломного оборота судьбы несла астрологические коннотации, и во время Французской революции, несмотря на определенное приземление понятия, все равно сказывалось это стихийное значение, которое Арендт прежде всего связывает с неодолимостью и необходимостью события. Цитируя Камилла Демулена, она вспоминает словосочетание «*torrent revolutionnaire*», революционный поток. Это помогает ей описать мощь событийности, заложенную в понятии, но в то же время она критически оценивает этот смысл. Она считает, что стихийное понимание мешает революционерам осознать собственную деятельную роль и свободу, а соединившись с сентиментальной симпатией к бедности (нужде), порождает вредную веру в неизбежность происходящего. И это ведет к проигрышу революции. То есть хотя книга и называется «О революции», с самого начала выясняется, что «революция» — не самый удачный термин, который во многом отвечает за политический проигрыш.

Однако в конце книги, когда Арендт переходит уже к XX веку, тема стихийности по-своему возвращается. Несмотря на поражение Французской революции, она выживает как своеобразная традиция и порождает глобальные «волны» революций. В XX веке ее наследие прежде всего воплощается в повторяющемся феномене создания местных институтов самоуправления — «советов». Начиная с Парижской коммуны, затем в 1905-м, 1917-м в России, в 1918-м в Германии, в 1919-м и 1956 году в Венгрии и так далее — всюду создаются «Сове-

ты». И для Арендт это очень важно, означая, что революция не просто основание либеральной демократии, но имеет свои учредительные институты — к сожалению эфемерные, но не обреченные быть таковыми. И хотя Советы ассоциируются с СССР, они составляют революционное наследие, потом подавленное «тоталитаризмом».

Но для понимания Советов у Арендт принципиально, что они, как она выражается, возникают «спонтанно» и независимо друг от друга. Люди их создают сами, творчески — но незапланированно. И это связывает идею Советов с событийностью революции. Они спонтанны в противовес партии, которая идеологична и бюрократична. Здесь российскому и немецкому читателю очевидно, что Арендт вклинивается в дискуссии российских и немецких революционеров 1900-х годов о «стихийности» и «сознательности»: Ленин против Люксембург. И Арендт вслед за Люксембург высказывается в пользу стихийности. И идет дальше, чем последняя, отвергая партийность. Тем самым дается некое понимание свободы как самодеятельности, но в то же время она привязывается к месту и времени. Не случайна повторная апелляция к «публичному пространству» (*public space*): имеется в виду локальная зона публичности, чем-то обязательно ограниченная (например, стенами, как в *Vita activa*). Событийность же революции привязывает свободу к определенному моменту и интервалу времени.

Нетрудно видеть, что здесь есть определенное противоречие, которое особенно заметно в русском языке, где удачно связывается стихийность в смысле спонтанности и стихийность как природная стихия. Сначала иррационализм в трактовке революции отвергается, а в конце возвращается, чтобы обосновать ее непредсказуемое самозарождение. Ниже мы увидим, какое большое значение сегодня имеет это противоречие.

Вскоре после выхода книги Арендт оказалось, что она не столько взывала к забытому, сколько предвосхитила реальное историческое движение. Начиная с 1968—1969 годов до нашего времени мы имеем по всему миру неостановимое шествие революций, причем в большинстве своем революций политических, демократических, не впадающих глубоко в социаль-

ный вопрос. Революции происходят каждый год и при этом не мешают никому жить частной жизнью, не разрушают публичных пространств. Хотя на первом этапе дело ограничивается демонстрациями, захватами зданий и установлением парламентских режимов, далее появляются и Советы — СССР. Триумфом революции, по Арендт, можно считать недавнюю волну революций по всему миру — арабская весна, Европа и США, Россия, Турция, Гонконг... Все они «спонтанны», все рождает упоительное чувство свободы, а в европейских случаях возникает подобие советов («ассамблея» оккупай) и «публичных пространств». Но — все эти недавние революции кончились неудачно. Мирные демократические движения проиграли, а там, где они победили, во-первых, перестали быть мирными, во-вторых, приобрели либо фундаменталистский (Египет, Сирия), либо идентитарно-националистический (Украина) крен.

Почему это произошло? У меня есть гипотеза. Дело в том, что все эти события объединяет то, что они имели глобальный характер и черпали вдохновение и образцы друг у друга. (Арендт справедливо говорит о «волнах» революций.) Однако в них удивительным образом отсутствовала международная координация усилий, не были сформированы международные органы и тем более единая программа. Там, где это было не так (отчасти в арабском мире), революции перестали иметь демократически-конституционный характер и в результате этого тоже проиграли (Египет). И снова, почему? Дело в том, что легитимность подобных революций ключевым образом зависела от их демократического, и следовательно, народного, органического характера. САМ народ вроде бы произвел эти революции, восстав против режимов, которые тоже декларировали свою народность и поэтому проиграли. Но под народностью и демократией неизменно понимался СВОЙ народ. Даже «народные демократии» были (по сталинской и особенно брежневской конституции) государствами не пролетариата, а трудящихся, а потом суверенного народа. Поэтому было очень важно, что изменения социополитического, а потом и геополитического плана были легитимированы народными

восстаниями: в противном случае их легко было бы обвинить в том, что они инспирированы извне, своими бенефициариями, то есть Западом. Поэтому классическими и самыми успешными были именно те случаи, когда мы имели в чистом виде *национальные* революции, как, например, в странах Прибалтики или Германии. Здесь принцип ближе всего совпал с реальностью, революция пошла радикальным путем, привела к смене элит и получила легитимность даже у своих этнических меньшинств. Там, где речь шла просто о смене строя, как в России и в какой-то степени в прочих постсоветских полиэтнических государствах, убедительность революции и ее элиты была гораздо меньше, поскольку роль и интерес отдельного народа противоречил тем универсальным принципам (рынок и либеральная демократия), которые предполагалось реализовать.

Именно этот вопрос и стал сегодня камнем преткновения. Как сказал президент В. В. Путин на Валдае (не то чтобы я часто соглашался с президентом Путиным, но здесь он был прав), трудно назвать убедительной политику США по поддержке революций, которые явно призваны расширить их влияние, но зачастую приводят к власти фундаменталистские движения, направленные против Америки. Проблема здесь в том, что подобные революции по идее должны быть *внутренними* и *органичными*, и в то же время США не только выигрывает от них, но и открыто им симпатизирует (хотя и редко напрямую, как думает В. В. Путин, организует их). Эта нестыковка лишает убедительности те движения, которые все-таки успешны. В других же случаях, где США движения реально не поддерживает (как в Турции) и где они направлены против США и Евросоюза (окупай и т. д.), они не побеждают и не приобретают массовой поддержки. Таким образом, национальная легитимность срабатывает либо при условии одновременной поддержки мировым истеблишментом, либо широкой социальной базы, но последняя по факту толкает либо к крайнему национализму, либо к фундаментализму. В случае же демократических, левых движений национальная ограни-

ченность не играет никакой идеологической роли, но служит неким бессознательным фреймом происходящего. И поэтому они проигрывают; это движения мощного глобального образованного городского класса, который силен исторически и глобально, но является меньшинством в каждом конкретном национальном государстве. Прежние претензии на лидерство пролетариатом исчезли, и единственная претензия этого класса на гегемонию неизбежно носит популистский характер: но популизм превращается в национализм (Россия: А. Навальный из движения «Народ», единственный популист и единственный националист в либеральном движении). Кроме того, образованные классы с трудом преодолевают национальную ограниченность также и потому, что, будучи работниками коммуникативного труда, многие из них завязаны на специфичную национальную культуру и язык.

Национальная идентичность революций — это объективная социальная проблема, но это и наследие 1989 года. Выход из этого тупика напрашивается, но он до сих пор был невозможен и принадлежит другой эпохе. Избежать компрометации народно-революционного движения его связями с «заграницей» можно только одним способом: созданием органов координации низового международного движения. Тогда сотрудничество с другими странами не будет фатальным обвинением против революционеров: они будут открыто выступать от имени международных сил, но не государств и элит, чьи интересы могут априори противоречить национальным, а народно-го движения. Это то, что не было сделано в 1989—1991 годах при восстании против советского гнета и постепенно привело к превращению революции в *технологию*. Мы должны сегодня принять исторический урок и думать о структурах международного гражданского общества, которые будут носить партийный характер. Ставка на спонтанность в своем противостоянии идее партии чревата иррационализмом, представляет, по Арндт, опасное наследие одновременно анархизма (Люксембург) и экзистенциализма (ранний Хайдеггер), поэтому должна быть пересмотрена.